

Творчество вашека кани

Среди членов чехо-словацкой делегации 2-й харьковской конференции обращал на себя внимание человек низенького роста, с черными горящими глазами и измученным лицом. Это был Вашек Каниа — первый чешский писатель, выдвинувшийся из рабкорской среды. К тому времени, т. е. к осени 1930 года, в коммунистической печати Чехо-Словакии появилось всего несколько его очерков из жизни безработных и бездомных и автобиографическая повесть: «Два года в исправительном доме», которая, судя по отзывам, читалась рабочими с большим интересом.

Когда я заговаривал с Каней об искусстве писателя, он неизменно переводил разговор на другую тему.

— Если бы наши ребята знали, что под именем Вашека Каниа скрываюсь я, Станислав Рада, они бы меня засмеяли, — говорил он, как бы стыдясь своей профессии.

Когда же я знакомил его с советскими и иностранными писателями, присутствовавшими на конференции, он прежде всего интересовался их биографией.

— Чтобы быть писателем, надо иметь интересную биографию... надо пережить многое... — добавлял он.

На такую постановку вопроса Каниа имел полное право.

Сам он вырос на окраинах Праги, на улицах, придавленных тяжестью мировой войны. Его отец-конюх погиб на одном из многочисленных фронтов, оставив семью в девять человек. Из восьми детей Вашек был старшим. С тех пор для Каниа, его матери, братьев и сестер начались годы голодовки и лишений. Еще будучи ребенком, он вынужден был просить милостыню. Уже тогда ему пришлось перенести все формы унижения.

Дальше идут годы средневекового ученичества в мастерской, годы эксплуатации предпринимателем, побой мастеров и подмастерьев. Все это заставило его бежать с предприятия.

За бродяжничество и «безнравственное» поведение «Попечительство о сиротах войны» упрятывает его на два года в исправительный дом, вернее, в тюрьму для несовершеннолетних. После отбытия «наказания» Каниа опять на фабрике. Он работает шлифовальщиком, но очень короткое время. Разражается кризис, и Каниа снова на улице. Он — безработный. Это состояние скоро переходит в хроническое. Каниа бродяжничает по Словакии, Хорватии, Сербии. В это время он начинает писать заметки, очерки и рассказы, которые печатаются в

коммунистической прессе. Чехо-Словакии. Так Каниа становится рабкором, затем писателем. Первая книга Каниа «Два года в исправительном доме»¹ имела известное общественное и политическое значение. Она разрушила утвердившееся даже в среде трудящихся представление, что эти дома «исправляют нравственно опустившуюся молодежь». Она разоблачила их истинное назначение: калечить, усмирять непокорную молодежь, подготавливать из нее кадры, послушные воле господствующего класса. Когда после отбытия наказания директор исправдома обратился к Кане с напутствием, тот оборвал его следующими словами:

— Не затрудняйте себя напрасно, г. директор! Я ухожу от вас еще большим преступником, чем был. До свидания!

С тем же чувством покидают это заведение все герои Каниа. Если иметь в виду, что в исправдомах содержатся тысячи трудящейся молодежи, что большая часть сидит там за «проступки» общественно-политического порядка (к сожалению, именно эта сторона Каней вскрывает слабо!), что таким способом буржуазия расправляется с молодым поколением пролетариата, то станет понятным большой интерес к затронутой Каней теме со стороны рабочих масс. И автор и редакция газеты «Рудный вечерник», на страницах которой печаталась эта повесть, получили ряд писем от рабочих и работниц, положительно оценивавших его произведение. (Одна работница, например, писала, что собиралась отдать на «исправление» своего сына, но, прочитав книгу Каниа, раздумала). Появление этой книги заставило власти назначить специальную комиссию для обследования положения в исправительных домах.

Марксистская критика в лице т. Вацлавека также оценила книгу как положительное явление в пролетарской литературе Чехо-Словакии. А известный писатель Иван Ольбрахт предсказывал, что из Каниа, несомненно, выйдет значительный писатель.

В первой же своей книге Каниа, в отличие от других начинающих современных чешских писателей, затронул важный вопрос общественно-политического порядка. Кроме того, он заговорил необычным для чешской литературы языком, — языком улицы, языком пражского арго. Он не боялся употреблять «сильные» выражения и, как и Я. Гашек, называть вещи своими именами. Это придавало его вещам известное своеобразие. Каждая строка его книги свидетельствовала о том, что все, о чем он рассказывает, далось ему кровью, что все это им пережито.

Вскоре вышли две новых книги Каниа. Сборник рассказов «Сутенеры, хитрованцы и бродяги» и «Бездомные»². В ряде газет и журналов появились его очерки и рассказы.

В сборник вошли рассказы о пережитых им в Югославии злключениях.

В них он стремится выявить противоречия капиталистического общества. Его внимание осттанаавливается главным образом на бродягах,

¹ Kaniа — „Dva roky o pobersooone“ Изд. К. Борецкий, Прага, 1930.

² V. Kaniа — „Pasáci, slinkové a tuláci“. Изд. Борецкий, Прага, 1931; V. Kaniа — „Somraci“, то же издательство, 1931.

Вашек Кания.

на нищих, на «лишних» людях, жертвах современного режима, на людях, которые не могут применить своих способностей в современном обществе, а потому выбрасываются им за борт («Изобретатель»). Его типы во многом напоминают героев раннего М. Горького («На дне») и раннего Э. Шиша. Кания не дает нам в них картины положения трудящихся масс Югославии, ограничивая свое внимание узкой и социально малозначимой прослойкой люмпен-пролетариата.

В других рассказах Кания затрагивает злободневную тему о безработице, тему, которую он развивает в недавно вышедшей книге «Бездомные». Как в рассказах, так и в этой книге Кания повествует о судьбе пролетариев, потерявших работу.

На самом деле, когда читаешь ежедневные газетные сводки о все возрастающем количестве безработных, то невольно задаешь себе вопрос: как живут эти миллионы рабочих, которых капиталистическое общество лишило права на труд? И вот Кания, который сам прошел через все мытарства полуголодного существования, бесцельных поисков работы, который сам жил в «обогревательных», в сараях, в стогах сена и даже в городских каналах, попытался нарисовать нам эту жизнь. Справился ли он с этой трудной задачей?

Кания описывает «дно», куда опускаются эти безработные. В предисловии к книге Э. Кидл правильно отмечает, что это «дно» значительно изменилось с того времени, когда он сам, в роли любопытного и неистового репортера, спускался туда. Теперь «дно» стало социально значимее. Оно населилось тысячами безработных. Пролетарский художник, рисуя картину того ада, куда попадает современный безработный, должен был бы показать, как такой безработный постепенно осмысливает не только свое положение, но и положение пятидесяти миллионов себе подобных, положение своего класса в целом, и как постепенно он приходит к тому революционному выводу, к которому

уже пришли миллионы его безработных товарищей.

В той же Чехо-Словакии существуют тысячи комитетов безработных, которые ведут ожесточенную борьбу с существующим порядком. Они устраивают «голодные походы», они атакуют жандармские кордоны (у Фрейвальда), они демонстрируют в сотнях городов, они врываються в ратуши и заставляют «отцов» города удовлетворять их частичные требования. И эта армия, насчитывающая свыше миллиона человек, находится в значительной части под идейным влиянием коммунистической партии Чехо-Словакии. Находим ли мы в книге Кания что-либо об этой борьбе безработных? К сожалению, не находим.

Вместо этого Кания дает сентиментальное повествование о героях братиславского «дна» — налетчиках, ворах, добродетельных проститутках, сутенерах и нищих. Кания только мельком останавливается на быте безработных и бездомных, на их «базах» — «обогревательных» — и главное внимание уделяет похождениям неких Фриды Шпекуна и Венцы Кило¹.

Но, может быть, эти герои являются типичными для современной безработной, бездомной массы Чехо-Словакии? Судите сами: Фрида Шпекун — бывший повар, лишившийся работы из-за нехорошей болезни. Его безработица приняла перманентный характер, и он стал промышлять мелкими кражами. На упреки автора в воровстве, он возражает:

«— Ха! Бродяжничать, да еще голодать! Нужно быть ослом! Другие делают не больше, чем я, но живут куда лучше. Раз уж у меня нет имущества и капитала, то я стараюсь взять свое, как умею».

В этом и заключается, с позволения сказать, «философия» этого мелкого хищника-паразита, которому, собственно, не хватает пустяка — имущества и капитала, чтобы жить, как живут все паразиты. Он «мстит» власть имущим, вырывая из рук буржуек сумки с деньгами. В длинных монологах он следующим образом выражает свою «революционность»:

«— Посмотри-ка на нее, на разжиревшую стерву! — говорит он автору, облюбовав новую жертву. — Она едва ползет. Подожди же ты у меня. Я тебя заставлю поработать на фабрике! Ты сама удивись, как из тебя будет сочиться сало! А когда пресс зажмет тебе пальцы, ты перестанешь называть работниц шлюхами. Ты не знаешь, что поест и во что одеться, а ты посмотри на работниц, когда они выходят из табачной фабрики...» и т. д.

Заставляя своего героя произносить такие фразы, Кания пытается прикрыть ими его внутреннее убожество и оправдать его темные дела, ибо для всякого ясно, что не Шпекуны, не налетчики заставят буржуек работать на фабриках. О тех же, кто действительно борется за социальную революцию, Кания предпочитает умалчивать так же, как и его герой. Герои Кания ищут выхода только для себя лично. Они не только не участвуют в общем движении безработных, но и не знают о нем,

¹ Речь идет о первой части книги Кания «Бездомные» — о безработных г. Братислава. Вторая часть ее — о безработных г. Праги — существенно отличается от первой.

не знают о существовании классовой борьбы и даже чувствуют неприязнь к тем рабочим, которые еще не потеряли работы. Такова, например, сцена ареста Шпекуна и его компании, сцена, на которую, естественно, с интересом смотрели рабочие. Герои Кани ведут какую-то индивидуальную «борьбу» против существующего строя, они негодуют, воруют, добывают себе пропитание всякими способами, обманывают, подсмеиваются над монахами — и в этом заключается вся их «революционность»!

Их лишения, голодовки, ночевки в стогах и канавах ничему их не научили. Как только они получают возможность заработать хлеб «честным», с точки зрения буржуазной морали, путем, они прекращают всякие «революционные» деяния, прекращают всякую «борьбу» и начинают рядовую жизнь рядовых обывателей. Таков Шпекун, ставший впоследствии шофером, таков герой рассказа «Швейцар», молодой парень, вышедший из исправительного дома и получивший квалификацию слесаря, который впоследствии превращается в обыкновенного вышибалу в одном из ночных заведений, такова серия его героев-салатников — безработных, занимающихся перепродажей «салата» — гнилой материи, которую они покупают по дешевке в магазине и затем по дорогой цене перепродают доверчивым покупателям. Кania рисует подвиги этих своеобразных сухаревцев, не подозревая, что в большинстве случаев их покупатели — трудящиеся, которым деньги достаются тяжелым трудом...

«В «обогревальне» было два сорта людей: люди, обосновавшиеся в ней окончательно, и так называемые «временные». Обосновавшиеся — в большинстве своем безработные немцы и венгерцы — пользовались особыми преимуществами. Они первые получали суп, им принадлежали места у печек; у них был свой стол, к которому они не подпускали вновь приходящих. Все это были местные щеголи, без белого воротничка они не сдвинулись даже завтракать. Каждый день они начищали ботинки, каждый день они занимались стиркой. На рубашках они стирали только манжеты и манишки, воротнички они разглаживали так: зажимали их между двух досок, и эти доски клали под себя на сиденье».

Это упоминание об «особых преимуществах немцев и венгерцев» для Кани не случайно. В одном из своих позднейших очерков о Прикарпатской Украине он утверждает, например, что еврейское население занимается там только торговлей. Это показывает, что Кания далеко еще не преодолел мелкобуржуазных предубеждений, в частности, в национальном вопросе, что в свое время уже отмечалось на страницах журнала «Творба».

И, наконец, чтобы отметить всю серьезность срывов Кани, мы остановимся еще на одной сцене. Кания описывает появление среди безработных молодого парня в костюме ковбоя. У парня оказываются деньги, украденные им у отца. Узнав об этом, его сейчас же начинают обрабатывать Шпекун и автор. Шпекуну удается выманить у него значительную сумму, на которую сейчас же покупается разная снесь.

Обложка книги В. Кани «Бездомные».

У автора же дело срывается, так как в обогревальню врывается отец и на глазах у всех начинает бить парня. Безработные, в том числе и автор, не только не пытаются остановить расправу, но, наоборот, поднимают юношу на смех за его увлечение романтикой «дикий Америки». В читателе эта сцена вызывает чувство негодования, особенно, если принять во внимание, что парень несколько не виноват в своем увлечении, ибо буржуазия делает все возможное, чтобы направить умонастроение молодежи именно в это безопасное для нее русло.

Кания взялся за перо, не понимая общественных процессов, не понимая законов классовой борьбы, а чешская марксистская критика сразу назвала его пролетарским писателем. Кания был для нее экзаменом, которого она не выдержала. Вместо того, чтобы во-время сигнализировать автору опасность, вместо того, чтобы указать ему, что писатель, не включившийся в революционную борьбу пролетариата, не может быть писателем пролетарским, она сразу вручила Кание диплом пролетарского писателя. Это деморализовало автора, и он стал выкладывать всю подноготную своего анархистского, люмпен-пролетарского понимания мира, стал воспевать налетчиков, «салатников» и сутенеров, идеализируя их и выдавая за борцов и «революционеров».

Только во второй части книги, посвященной пражским безработным, Кания делает несколько беглых зарисовок быта рабочих на бирже труда, в «обогревальнях», передает их разговоры.

Обложка книги В. Кани „Закарпатская Украина“

рисует типы бездомных и рабочих, еще не потерявших крова. Но эта положительная часть его книги далеко не покрывает всех ее отрицательных и даже вредных сторон. Особенно чужд нам в этом отношении сборник рассказов «Сутенеры, хитрованцы, бродяги».

Основной и главный недостаток произведений Кани в том, что они не помогают мобилизации рабочих и всех трудящихся на борьбу с классовым врагом. Они не указывают единственного пути этой борьбы. Они дезориентируют рабочего читателя, заражая его люмпенпролетарскими настроениями, перенося его интерес с судеб передовой части, авангарда рабочего класса, на судьбы его худших элементов, и не дают верной картины положения безработных. При этих серьезных недостатках мировоззрения диплом пролетарского писателя, выданный Кани чешской пролетарской критикой, по меньшей мере преждевременен.

Чтобы стать пролетарским писателем, Кани нужно прежде всего активно включиться в революционную борьбу чешского пролетариата, ему нужно овладеть мировоззрением марксизма-ленинизма и поучиться на работах лучших пролетарских писателей осмыслить сущность происходящей классовой борьбы.

Следует отметить, что за последнее время марксистская критика Чехо-Словакии значительно исправила свои ошибки по отношению к Кани. Тов. М. Бергман в одно из своих статей в «Творбе» правильно отметила социальные корни ошибок Кани. Тем не менее т. Реймани, отмечая недостатки произведений Кани, считает его книгу значительным вкладом в современную чешскую пролетарскую литературу. Остается загадкой, как книга, непролетарская по своей идеологии, может стать ценным вкладом в пролетарскую литературу.

Под влиянием общей радикализации трудящихся масс и обострения классовой борьбы, а также под влиянием марксистской критики Кани все более и более включается в революционную практику своего класса, и за последнее время в коммунистической периодической печати появляются его очерки, свидетельствующие о перестройке его мировоззрения.

Ошибки Кани — не случайные ошибки и не присущи ему лишь одному. Союз пролетарских писателей Чехо-Словакии, подвергнув серьезной марксистской критике творчество Кани, помог бы не только самому Кани перестроиться до конца и перейти на пролетарские рельсы, но провел бы тем самым большую идейно-воспитательную работу среди остальных своих членов, способствуя развитию чешской пролетарской литературы и продвижению ее на более высокую ступень.

P. S. Уже после того, как была написана эта статья, в Москве получилась новая книга очерков Кани «Закарпатско» («Закарпатская Украина»), в которой он описывает ряд эпизодов классовой борьбы в этой стране. Собранные и описанные Каней факты служат ему материалом для выводов и обобщений уже с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата. Кани уже стал разбираться в механизме этой борьбы и как писатель начинает принимать в ней активное участие.

Ряд таких превосходных очерков, как расстрел забастовавших рабочих в Хусте, отдельные зарисовки революционных борцов-рабочих (Лакота), очерк о съезде трудящегося крестьянства в Мукачеве, о быте и борьбе венгерского и украинского крестьянства с чешскими чиновниками — это документы большой политической важности, знакомящие нас с ужасающим положением трудящихся этого края. Книга вообще приобретает большое актуальное значение в связи с теми событиями, которые происходят сейчас в Закарпатии. Чешская буржуазия, захватившая эту часть Украины, ввела там оккупационный режим. В связи с этим начался чуть ли не повальный голод и нищета, что усиливает революционное движение рабочих и крестьян. Книга Кани, хотя и не лишенная свойственных ее автору недостатков, дает в этом отношении картину классовой борьбы в Закарпатской Украине и свидетельствует о решающем сдвиге в творчестве этого писателя.